

РОБЕРТ Л. ГИЛБЕРТ

Томас Тредд.
Время убивать

КНИГА 2

Роберт Л. Гилберт
Томас Тредд. Время убивать

«Автор»

2026

Гилберт Р.

Томас Тредд. Время убивать / Р. Гилберт — «Автор», 2026

Лондон вступает в XX век. Телефонные провода опутывают улицы, фабричные трубы затемняют небо, а новые изобретения обещают изменить жизнь. Но вместе с прогрессом меняются и способы совершать преступления. Часовщик и наблюдатель Томас Тредд снова распутывает дела, где опасность скрывается за фасадом технического совершенства. Телефон, часы и другие предметы становятся частью загадок, за которыми стоят страсти, расчёт и обман. Тредд полагается на логику, знание физических законов и умение замечать то, что остальные пропускают. Каждая улика приближает его к разгадке и напоминает: самый сложный механизм скрыт в человеческой душе. Атмосферный исторический детектив о тайнах нового века, опасных изобретениях и цене прогресса. Для любителей интеллектуальных расследований и историй с технологической интригой. Книга вторая серии «Томас Тредд. Механика преступлений».

© Гилберт Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роберт Л. Гилберт

Томас Тредд. Время убивать

Глава

Глава 1: Стеклянная искра

«Прогресс — это лишь новый способ упаковать старые грехи».

Лондон, Сент-Эндрюс-Хилл, 14. 1900–1914 гг.

Январь 1900 года пах не углем, а озоном. Лондон больше не кутался в уютный туман — он задыхался в сизом дыму заводов, а по его венам-улицам вместо конского навоза потекло холодное электричество. В лавке Томаса Тредда масляная лампа всё еще спорила с уличным фонарем, который шипел снаружи, как придавленная змея. Дверной колокольчик звякнул не всхлипом, а резким, металлическим дребезгом. В лавку вошел человек, чей облик был скроен по лекалам нового века: безупречный котелок, жесткий воротничок и трость с набалдашником из тусклого алюминия — металла, который теперь ценился дороже серебра.

— Мистер Тредд? — голос гостя резал тишину лавки, как скальпель. — Меня прислали из Адмиралтейства. Но я здесь неофициально. Мой отец... он сходит с ума. Он утверждает, что его убивает свет. На прилавок лег странный предмет. Это была ранняя лампа накаливания: хрупкая стеклянная груша с угольной нитью внутри. Но вместо обычного латунного цоколя у неё была сложная подставка с часовым механизмом в основании.

— Он не может спать, — продолжал гость, и в его глазах блеснул холодный расчет. — Каждую ночь, ровно в три часа, лампа вспыхивает сама собой. Врачи говорят о галлюцинациях. Но вчера на его руке появился ожог в форме идеального круга. Томас не коснулся стекла. Он надел очки с тройными линзами и поднес к лампе магнит. Угольная нить внутри даже не дрогнула.

— Свет не умеет ненавидеть, сэр, — проскрипел старик, и его голос был суше, чем пергамент. — Но те, кто его обуздал, научились вплетать в него гнев. Томас взял тончайшую стальную спицу и коснулся механизма в основании. Тот отозвался сухим, надменным тиканьем. Старик ввел спицу в крошечное отверстие, где медь соприкасалась со стеклом.

— Видите это? — Томас указал на едва заметное напыление на внутренней стороне колбы. — Это не копоть. Это порошок бертолетовой соли, смешанный с магнием. Он повернул лампу на свет.

— Вашему отцу не кажется, сэр. В основании спрятан реле-таймер. Ровно в три часа, когда ток достигает пика, механизм замыкает цепь. Но не для того, чтобы зажечь свет. Нить накаливания здесь — лишь детонатор. Томас аккуратно отвинтил стеклянную колбу. В его руках осталась медная игла, скрытая в патроне.

— При нагреве расширяется не только газ. Это устройство — термический шприц. Тот, кто подарил вашему отцу эту лампу «прогресса», знал: в три часа ночи старик всегда кладет руку на тумбочку рядом с кроватью. Лампа выбрасывает струю раскаленного фосфора. Ожог — лишь начало. С каждым разом доза яда, впитывающегося через кожу, становится больше. Гость побледнел, и его алюминиевый набалдашник глухо стукнул о прилавок.

— Кто... кто мог это сконструировать?

Томас посмотрел на гостя сквозь три слоя линз. Его взгляд был безжалостен, как шестеренка.

— Тот, кто слишком торопит наследство, сэр. Механизм заведен на тридцать дней. Сегодня — двадцать девятый. Еще одна ночь, и сердце вашего отца остановилось бы от «естественного» паралича, вызванного избытком фосфора в крови. Старик вернул лампу гостю.

— Заберите это. Электричество — это чистая сила, но в грязных руках оно лжет громче, чем любая свеча. Когда дверь закрылась, Томас долго смотрел на свои руки. На них остались следы новой эпохи — серая пыль и запах горелого металла. Он подошел к своим старым напольным часам и завел их.

— Поторопись, старый друг, — прошептал он маятнику. — Мир стал быстрее, а ложь теперь перемещается со скоростью искры. Нам придется учиться слушать тишину в грохоте машин.

Вещь: Прогресс — это лишь новый способ упаковать старые грехи. В мире Томаса даже самая яркая лампа может скрывать самую черную тень, если её механизм заведен рукой предателя.

Глава 2: Медный шёпот

Лондон в октябре пах мокрой известью и переменами. Старый город ломали: на месте кирпичных тупиков вырастали скелеты новых зданий, опутанные медными нервами телефонных проводов. В лавке Томаса Тредда тиканье часов теперь перебивалось далёким, назойливым дребезжанием трамваев. Дверной колокольчик звякнул сухо. Вошёл человек, чьё лицо казалось высеченным из серого гранита. На нём был строгий сюртук, но под ногтями чернела техническая смазка. Он положил на прилавок предмет, завернутый в промасленную бумагу.

— Мистер Тредд, — голос гостя был низким, будто доносился из-под земли. — Я из Центрального телеграфного узла. Меня зовут Эдгар Смит. Томас кивнул, не касаясь свёртка. Гость развернул бумагу. На сукне лежала телефонная трубка из тяжёлого чёрного эбонита, но её форма была странной — раструб слишком широк, шнур слишком толст.

— ЧП, — продолжил Смит, понизив голос. — Сэр Генри Лэнсберри, заместитель министра путей сообщения. Застрелился в своём кабинете три дня назад. Томас поднял седую бровь.

— Печально. Но я не коронер. Мёртвых джентльменов не чиню.

— В том-то и дело, — Смит наклонился вперёд. — Сэр Генри был жизнелюбом. Застрелился ровно в тот момент, когда разговаривал по этому аппарату. Его секретарь слышал через дверь крик: «Уйди, мертвец!». Но в кабинете никого не было. Полиция списала всё на временное помрачение — мол, работал на износ. Но я... — он запнулся, — я разбирал линию. И нашёл кое-что.

Томас медленно надел перчатки из тонкой замши. Он взял трубку, ощутив неожиданную тяжесть. Обычная телефонная мембрана должна была быть лёгкой. Эта — нет. Он осторожно развинтил слуховой капсюль отвёрткой с алмазным наконечником. Внутри, под тонкой стальной диафрагмой, скрывалось нечто инородное: крошечная катушка с намотанной на неё нитью металлического блеска, похожей на волос, но слишком правильной, машинной формы.

— Телефон — великая ложь нового века, — прокрипел старик, поворачивая катушку к свету. — Он заставляет верить, что человек рядом, когда он за милю. Но этот аппарат лгал дважды. Томас достал из ящика магнитный камертон. Он ударил по нему и поднёс к открытой мембране.

Вместо чистого звука из трубки вырвался хриплый, искажённый голос, повторяющий на высокой, неестественной частоте:

— Пора платить... пора платить... Голос был знакомым — Тредд видел портрет покойного брата сэра Генри в газетах. Тот погиб в Африке год назад.

Смит побледнел, отступив на шаг.

— Это... это же голос Альфреда Лэнсберри. Но как...

— Записывающее устройство системы Паульсена, — перебил Тредд, не отрывая взгляда от механизма. — Телеграфон. Кто-то записал голос человека, которого сэр Генри боялся больше всего. Брата, которому он был должен состояние. Старик взял увеличительное стекло.

— Но посмотрите на иглу. Она из мягкого свинца. Установлена так, что с каждым словом вибрирует всё сильнее.

Томас указал на микроскопический контакт в основании катушки.

— Голос — лишь приманка. Настоящее оружие здесь. При пике напряжения, когда «призрак» кричал громче всего, игла замыкала цепь на корпус трубки. Аппарат выдавал кратковременный, но мощный электрический разряд прямо в висок. — Он убил его током? — выдохнул Смит.

— Нет. Разряд был рассчитан тоньше. Он не убивал — он вызывал мгновенный паралич и вспышку боли, которую измученный мозг сэра Генри принял за нападение демона. Он выхватил пистолет, чтобы защититься от того, кто шептал ему в ухо. И выстрелил в собственный страх.

Томас аккуратно извлёк катушку и положил её на бархатную подушку.

— Спецслужбы уже учатся использовать электричество как пытку, мистер Смит. Они не стали убивать его сами — они заставили его убить себя. Чисто, анонимно, без следов. Гость молчал, глядя на разобранную трубку как на разорённую могилу. — Кто мог... кто мог это сделать?

— Тот, кому смерть сэра Генри открывала путь к контрактам на строительство железных дорог, — Тредд завернул трубку обратно в бумагу. — Или тот, кто хотел закрыть ему рот навсегда. В новом веке для убийства больше не нужен кинжал. Достаточно знать частоту чужого кошмара и иметь доступ к телефонной линии. Когда Смит ушёл, Томас подошёл к окну. За стеклом, в вечерних сумерках, бесконечные ряды столбов с проводами разрезали небо Лондона, словно ноты на гигантском нотоносце.

— Скоро, — прошептал он, — мир будет опутан нитями лжи. И каждый сможет шептать яд прямо в самое сердце другому, оставаясь невидимым. Раньше врагу нужно было смотреть в глаза. Теперь ему достаточно знать номер вашего телефона.

Вещь: Прогресс дал нам уши, чтобы слышать тех, кто далеко, но отнял умение слушать тех, кто рядом. В мире Томаса Тредда даже голос из стены может быть механическим палачом, если за рычаги дёргает тот, кто знает мелодию вашего страха.

Глава 3: Стеклянная слепота

Июнь 1901 года выдался невыносимо ярким. Солнце, ещё не затянутое смогом новых электростанций, било в окна лавки Тредда острыми, как лезвия, лучами. Сам воздух казался натянутой струной, готовой лопнуть от жары и тишины — той особой, давящей тишины, что воцаряется в городе, когда его покидает королева, даже если её давно нет в живых. Вошла она без стука, словно призрак. Женщина в чёрном, от дорогого крепа до перчаток, но траур на ней казался свежим, острым, а не привычным, как на вдовах, оплакивавших Викторию. Она не плакала. Она была суха, как перегоревшая электропроводка.

— Мистер Тредд, — её голос был ровным, без дрожи. Именно это и насторожило старика. Настоящее горе всегда дрожит. — Меня зовут Элеонора Вейн. Мой муж, сэр Филипп, картограф Адмиралтейства. Он... шагнул с белых скал в Дувре неделю назад. Говорил, что мир погрузился во тьму. Но день был ясен, мистер Тредд. Слепяще ясен.

Она положила на прилавок футляр из красного дерева. Внутри, на бархате, покоились очки. Не пенсне, не лорнет, а именно очки — изящные, в золотой оправе с тончайшей насечкой. Линзы были необычного, глубокого дымчатого оттенка. — Его новые очки, — сказала леди Вейн. — Подарок от комиссии по оптическому переоснащению флота. Он начал носить их за месяц до... Он говорил, что видит тени. Что солнце «меняет цвет». Потом что свет «гаснет»

на несколько секунд. Врачи говорили о перенапряжении глаз, о нервном истощении. А потом он просто перестал видеть. Совсем. Тредд не взял очки. Он обвёл лавку взглядом, будто ища что-то. Потом медленно подошёл к стеллажу и снял с полки старый, потемневший от времени спектроскоп — прибор, разлагающий свет на цвета радуги.

— Свет, леди Вейн, — проскрипел он, направляя узкий луч карбидной лампы не на очки, а рядом с ними, на белую бумагу, — это единственный свидетель, который не умеет подкупать. Но мы научились ставить ему преграды. Он надел свои рабочие очки с тройными линзами и лишь тогда взял золотую оправу. Не для того, чтобы надеть. Он поднёс её к спектроскопу. Чистая радуга, отражённая от белой бумаги, была яркой и ясной. Затем Тредд аккуратно поместил дымчатую линзу на пути луча. Радуга не просто потускнела. Она исказилась. Вместо чистых полос спектра зазмеились грязные, размытые пятна. А в сине-фиолетовой части, невидимой обычному глазу, где начинался ультрафиолет, возникла странная, пульсирующая тень.

— Видите? — спросил Тредд, хотя был уверен, что она не видит. — Это не просто тонированные стёкла. Это фильтр. Но фильтр не от света. От правды. Он взял тончайший алмазный резец и, поднеся линзу к мощной лупе, сделал крошечный скол на самом краю. Затем капнул туда каплю азотной кислоты. Стекло не прошипело, как должно было. Вместо этого по его поверхности поползли маслянистые, радужные разводы, словно бензин на воде.

— «Сэндвич», — сказал Тредд с леденящим спокойствием. — Два слоя оптического стекла, а между ними — тончайшая плёнка нитроцеллюлозы. Пропитанная солями серебра и йода. Состав, очень похожий на эмульсию фотопластинок «Кодак». Только здесь он работает иначе. Леди Вейн молчала, её лицо было маской.

— Ваш муж подолгу работал с картами при ярком свете, — продолжал Тредд. — Особенно при солнечном, где много ультрафиолета. Под его воздействием эта плёнка внутри линз начинала медленно, необратимо темнеть. Процесс был рассчитан на месяц-полтора. Сначала — лёгкие тени, «мерцание». Потом — серость. В конце — полная, непроглядная чернота. Его мир не «погружался во тьму». Его мир методично выключали, как газовый рожок. Но старик не закончил. Он взял небольшой молоточек и, положив линзу на мягкую кожу, легонько, с хирургической точностью, ударил по самому центру. Стекло треснуло не как обычное — оно расслоилось. И в самом его сердцевине обнаружилась крошечная, идеально круглая зона абсолютной прозрачности.

— А это... это уже не подлость, — голос Тредда стал тише и страшнее. — Это садизм. Эта прозрачная точка — ловушка. Она заставляет зрачок расширяться до предела, пытаясь поймать последние крупницы света. И в этот момент химическая реакция в затемнённой части линзы достигает пика, выбрасывая микроскопические, но едкие пары йода прямо на слизистую. Ваш муж ослеп не просто от темноты, леди Вейн. Он ослеп от чудовищной, жгучей боли. Его мозг, атакованный химическим ожогом и абсолютной чернотой, не выдержал. Он не шагнул в пропасть. Он побежал от кошмара, который носил на переносице. В лавке воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем часов. Леди Вейн медленно выпрямилась. В её глазах не было слёз. Там был холодный, отточенный, как бритва, гнев.

— Кто, мистер Тредд?

— Тот, кому нужны были фарватеры, которые знал только сэр Филипп. Или тот, кому нужно было место главного картографа. Или просто тот, кто получил заказ «нейтрализовать» специалиста, — Тредд собрал осколки линз на латунный поднос. — Век информации начинается, сударыня. И первое, что в нём станут красть, — это не бумаги, а зрение тех, кто эти бумаги читает. Скоро люди будут видеть только то, что им позволят видеть те, кто владеет стеклом и реактивами.

Когда она ушла, унося в дешевом саквояже осколки и страшную уверенность, Тредд долго смотрел на солнечный луч, упёршийся в его верстак. Он поднял руку, заслонился ладонью. Свет окрасил её в тёплый, живой цвет. — Настаёт век управляемой слепоты, — прошеп-

тал он в пустую лавку. — Где солнце будет гаснуть по расписанию, составленному в чужих кабинетах. И первыми ослепнут те, кто видит слишком много.

Вещь: Очки созданы, чтобы помогать зрению, но в плохих руках они становятся шорами, которые не просто ограничивают обзор, а методично гасят мир перед глазами. В мире Томаса Тредда даже чистый свет можно превратить в орудие тьмы, если между глазом и истиной вставить слой лжи, замешанной на серебре и страхе.

Глава 4: Искры памяти

Ноябрь 1901 года принёс в Лондон не мороз, а рыжую, промозглую сырость, впитывавшуюся в кирпич и в кости. Город будто затаился, прислушиваясь к гулу с континента — отзвукам войн и революций, которые ещё не добрались сюда, но чей шепот уже висел в воздухе, как запах далёкого пожара. В такую погоду разум особенно цеплялся за тёплое, за привычное, за то, что можно контролировать. Сэр Ричард Элмонд, чьё состояние было построено на торговле чаем и добром имени, теперь боролся за контроль над последним, что у него оставалось — над собственной памятью. Он вошёл в лавку не как аристократ, а как испуганный ребёнок, прижимающий к груди не игрушку, а лампу. Это была настольная электрическая лампа новейшего образца: массивное бронзовое основание в виде грифона, держащего в когтях матовый шар из опалового стекла. Свет от неё был мягким, рассеянным, уютным — идеальным для чтения мемуаров, которые сэр Ричард писал уже третий год. — Она крадет мои мысли, Томас, — старый джентльмен говорил шёпотом, будто боялся, что лампа услышит. — Я сажусь писать под её светом, и буквы начинают плясать. Я забываю, о чём только что думал. Вчера я не мог вспомнить имя собственной матери. Врачи говорят о склерозе, о возрасте... Но я чувствую. Она ждёт, когда я замолчу навсегда. Томас Тредд не стал включать лампу в сеть. Он обошёл её кругом, как хищник, изучающий ловушку. Затем надел перчатки из шёлковой проволоки и прикоснулся тыльной стороной ладони к стеклянному абажуру. Кожа под перчаткой заняла тупым, неприятным зудом, будто от близости к чему-то вибрирующему, чего ухо не слышит.

— Свет должен освещать путь, сэр Ричард, — проскрипел старик. — Но некоторые научились использовать его, чтобы прокладывать тропинки... прямо в человеческий разум. Он взял с полки чувствительный электроскоп — прибор с тонкой золотой стрелкой в стеклянном колпаке, реагирующий на малейшие электрические заряды. Не включая лампу, он поднёс прибор к её основанию. Стрелка дернулась, замерла на мгновение, а затем начала медленно, неуклонно отклоняться, хотя в сети не было тока.

— Она живёт своей жизнью, — заключил Тредд. Он аккуратно открутил абажур. Под матовым стеклом открылась не обычная лампа накаливания, а сложная конструкция: колба, окружённая не проволокой накаливания, а сеткой из тончайших чёрных нитей, образующих сложный, почти фрактальный узор.

— Газоразрядная сетка системы Хьюитта, — проскрипел Тредд, поднося к ней сильный магнит. Нитки не шелохнулись, но внутри стекла что-то едва заметно дрогнуло, и по лавке пробежал запах озона и... перегретого металла. — Но не для освещения. Для излучения. Он указал сэру Ричарду на основание грифона, где под декоративной бляхой скрывалась миниатюрная катушка индуктивности. — Ваш племянник, кажется, увлекается беспроводным телеграфом и опытами Теслы? Он подарил вам эту лампу, сказав, что это «символ прогресса и заботы»? Сэр Ричард кивнул, его лицо стало землистым.

— Гарольд... Он в долгах. Я отказался платить в последний раз. Сказал, что упомяну об этом в мемуарах, если он не исправится.

— Тогда он решил исправить не себя, а вашу память, — безжалостно констатировал Тредд. — Эта лампа — не источник света. Это генератор слабого, но направленного пульсирующего магнитного поля. Катушка здесь создаёт его. А эта сетка, — он ткнул пальцем в чёрный узор, — фокусирует и модулирует. Старик взял старый камертон и ударил по нему.

Чистый звук заполнил лавку. Затем он включил лампу. Звук камертона не изменился. Но Тредд видел другое: он поднёс к абажуру тонкий листок станиоли. Фольга не шелохнулась от звука, но начала едва заметно вибрировать в такт с еле слышным жужжанием самой лампы. — Поле настроено на частоту, подавляющую активность гиппокампа — области мозга, ответственной за формирование краткосрочных воспоминаний и их перевод в долгосрочные, — пояснил Тредд, выключая адскую конструкцию. — Вы не теряете память, сэр Ричард. Вам её методично стирают каждый вечер. Вы сидите и пытаетесь запечатлеть прошлое, а этот «символ прогресса» за вашей спиной тихо, беззвучно, стирает настоящее. К тому времени, как вы закончите свои мемуары, в них не останется ни одного упоминания о его долгах, о его подлости. Останется лишь благостный портрет любящего племянника и пустые, ничем не подкреплённые страницы. Это не склероз. Это целенаправленная, технологичная амнезия, упакованная в бронзу и стекло. Сэр Ричард Элмонд медленно опустился на стул. В его глазах не было страха. Там был холодный, стальной ужас понимания: война за его наследство шла не в судах и не в кабинетах, а в самой ткани его сознания, и враг атаковал не кошелек, а саму его личность. Когда он ушёл, унося под мышкой разобранный патрон лампы как трофей в тихой войне, Томас Тредд долго стоял у окна. На улице зажигались фонари. Газовые — тёплые, живые, неровные. И новые, электрические — холодные, безжалостные, одинаково яркие.

— Скоро, — прошептал он в стекло, запотевшее от его дыхания, — мы будем жить в городах, залитых светом, который не освещает, а ослепляет. Где каждый фонарь будет не прогонять тьму, а диктовать, что помнить, а что забыть. Мы вступаем в век, где истина будет умирать не в темноте, а под ярким, стерильным лучом, способным стереть самоё себя из человеческой головы. Он погасил свою старую, добрую масляную лампу. В наступившей мгlistой темноте лавки остались жить только мерные, не подвластные никаким полям удары маятника. Память из металла и дерева, которая не знала, что такое забвение.

Вещь: Лампа была создана, чтобы разгонять тьму, но в мире Томаса Тредда она стала инструментом для создания тьмы внутренней — тихой, методичной пустоты в сознании. Прогресс подарил нам власть над фотонами, но в первую очередь научил подлость использовать этот свет, чтобы выжигать не картины на стенах, а воспоминания в душах.

Глава 5: Механический пульс

Август 1902 года пришёл в Лондон не как гость, а как оккупант. Воздух не просто стоял — он лежал тяжёлым, маслянистым одеялом, пропитанным гарью первых бензиновых моторов и вонью перегретого асфальта. В таких условиях даже время казалось больным: маятники в лавке Тредда двигались с ленивой, влажной неохотой, словно преодолевая сопротивление невидимого сиропы.

В такую погоду приходят только с самой неотложной бедой. Человек, который ввалился в лавку, был воплощением такой беды. Мистер Эдгар Финч, наследник состояния лорда-мэра, был облачён в дорогой, но измявшийся за одну ночь костюм. Его лицо цвета перезревшей сливы блестело от пота, а пальцы судорожно сжимали сафьяновый футляр.

— Он гонит меня, Тредд, — выдохнул Финч, с трудом переводя дух. — Прямо в могилу. На прилавок, проскрипев по сукну, лёг массивный золотой брегет с двойной крышкой — часы, которые могли бы служить эталоном состоятельности и безупречного вкуса. — Отец завещал мне их. Я носил с гордостью. Но теперь... — он судорожно глотнул воздух, прижимая ладонь к груди. — Врачи говорят — аритмия, нервное сердце. Но приступы начинаются только когда часы на мне. Надел — через час пульс частит, как у загнанной лисы. Снимаю — становится легче. В мастерской на Бонд-стрит клянутся, что механизм безупречен. Но я чувствую, как он спешит. Спешит за моим последним вздохом. Томас Тредд не стал открывать крышку. Он положил часы на чёрный бархат диагностического столика и поднёс к корпусу не лупу, а старый

медицинский фонендоскоп, приспособленный им для прослушивания сейфовых замков. Он приложил мембрану к задней крышке. Вместо чёткого, металлического тиканья из наушников донёлся странный, вибрирующий гул — будто внутри билось не одно, а два сердца, и одно из них бешено догоняло другое.

— Сердце — это тоже механизм, мистер Финч, — проскрипел старик, снимая наушники. — Самый сложный из известных. И самый уязвимый для внушения. Затем он достал из ящика не магнит, а маленький магнитный компас в латунной оправе. Стрелка спокойно указывала на север. Тредд поднёс компас к часам. Стрелка дрогнула, качнулась и застыла, упрямо указывая не на север, а прямо на золотой корпус.

— Железо, — пробормотал Тредд. — Но не там, где ему положено быть. Тонким, как волос, медным пинцетом он аккуратно открыл заднюю крышку. Механизм сверкнул в тусклом свете лавки — мосты из позолоченной латуни, рубиновые камни, синяя сталь пружин. Безупречно. Но Тредд не смотрел на шестерни. Его взгляд притянул балансир — маленькое колёсико, мерно качающееся туда-сюда, отсчитывающее доли секунды. На его ободе, в самом золоте, виднелась крошечная, едва заметная вставка сероватого металла.

— Селенид висмута, — произнёс Тредд, словно ставя диагноз. — Сплавленный с магнитным железняком. Совершенно ненужный в балансе часов. Если только... Он взял со стола новинку сезона — карманный электрический фонарик. Направил его яркий, сфокусированный луч прямо на открытый механизм, на балансир. И часы сошли с ума. Балансир, едва освещённый, превратился в размытое, дрожащее пятно. Тиканье, доносившееся из корпуса, участилось, слилось в пронзительный, почти пулемётный треск. Часы перестали отмерять время — они его гонили, с бешеной, нечеловеческой скоростью.

— Фотоэлектрическая ловушка, — проскрипел Тредд, тут же выключая фонарь. — Гениально просто. Ваш отец, мистер Финч, был консерватором. Любил полумрак библиотек, кабинетов, клубов. При слабом свете этот сплав инертен. Но вы — человек нового века. Вы бываете на скачках, на открытых приёмах, в светских салонах, залитых электрическим светом. Яркий свет — спусковой крючок. Часы постепенно успокоились, их бег вернулся к норме. Тредд пинцетом извлек крошечный балансир и положил его на ладонь клиента. — Под ярким светом сплав вступает в реакцию с магнитным полем самого корпуса часов. Возникает микро-ток, ускоряющий ход в десятки раз. Ваша рука не чувствует этой дрожи. Но ваша нервная система — чувствует. Ваше подсознание считывает этот безумный, невидимый ритм. И ваше сердце, этот совершенный биологический метроном, начинает подстраиваться под него. Это не отравление, мистер Финч. Это — резонанс. Вас пытались «разогнать» до инфаркта, используя вашу же собственную биологию против вас. Тот, кто доработал эти часы, знал: законы физики — куда надёжнее яда. Они не оставляют следов в желудке, только в протоколе вскрытия — «острая сердечная недостаточность».

Мистер Финч молчал. Он смотрел на крошечную деталь в своей ладони, которая должна была стать орудием его убийства. В его глазах отражался не страх, а холодное, бездонное отражение — к миру, где даже память об отце можно превратить в смертельный механизм. — Кто? — спросил он одним словом.

— Тот, кто больше всех интересовался, когда вы наконец наденете эти «фамильные часы». Ваш двоюродный брат? Деловой партнер, чья доля станет вашей? — Тредд взял балансир и бросил его в ящик с металлоломом, где тот звякнул, как павший солдат. — В новом веке для наследства не нужен кинжал в спину. Достаточно знать, что наследник любит быструю езду и яркий свет. Когда Эдгар Финч ушёл, унося исправленные, «усыпленные» часы, Томас Тредд вышел на задний дворик лавки. Солнце, пробивавшееся сквозь лондонскую мглу, било в лицо. Он поднял руку, посмотрел, как свет играет на морщинистой коже, на синих прожилках, под которыми тикало его собственное, старое сердце.

— Скоро, — прошептал он раскалённому воздуху, — мы все станем деталями в одном гигантском механизме. Нас будут ускорять или замедлять по желанию тех, кто владеет не деньгами или властью, а знанием. Знанием о том, как свет танцует с металлом, и как эта танцующая тень может заставить танцевать до смерти человеческое сердце. Он вернулся в лавку, в свой сумрак, где единственным светом было пламя горелки Бунзена и холодное сияние разобранных механизмов. Где время текло с правильной, честной, неспешной скоростью.

Вещь: Часы созданы, чтобы указывать порядок, но в руках зла они превращаются в дирижёра хаоса, способного настроить самый нерушимый ритм — ритм жизни — на безумный, смертельный темп. В мире Томаса Тредда даже время может стать ядом, если его истинный ход подменён тиканьем, продиктованным чужой жадностью и знанием законов физики, которые не прощают ошибок.

Глава 6: Стальной пульс

Июнь 1903 года принёс в Лондон не лето, а лихорадку. Город гудел треском автомобильных моторов по Пикадилли, пугая лошадей и наполняя воздух едким, чуждым запахом бензинового перегара. Это была музыка нового века — громкая, резкая, без мелодии. В лавке Томаса Тредда маятники двигались лениво, словно и металл страдал от этой новой, машинной одышки. Дверь распахнулась с таким грохотом, что дрогнули стёкла в витринах. Вошёл молодой офицер в запylённом мундире колониальных войск. Капитан Эверард. Его лицо было землистого, больного цвета, а руки в потёртых кожаных перчатках заметно дрожали, сжимая тяжёлый предмет, завернутый в промасленную холстину.

— Мне сказали, вы понимаете язык мёртвых вещей, — его голос сорвался на хрип, будто он только что кричал в бою. Он швырнул свёрток на прилавок. Холстина развернулась, обнажив хищный блеск воронёной стали.

Это был новенький автоматический пистолет «Браунинг» модели 1903 года. От него пахло оружейным маслом, пороховой гарью и чем-то ещё — резким, металлическим, чуждым. Запахом химической лаборатории, а не оружейной мастерской. — Мой полковник, — выпалил капитан, не в силах сдержать дрожь. — Сэр Джеймс Баркли. Застрелился вчера в своей палатке. Во время чистки оружия. «Случайный выстрел» — говорят протоколы. Но магазин был пуст. Я сам проверял его за минуту до этого. Ни в патроннике, ни в рукоятке — ни одного патрона. Но пистолет выстрелил. И убил. Томас Тредд не прикоснулся к оружию. Он взял его за ствол холщовой тряпкой и положил на верстак, как кладут на операционный стол нечто заразное. Затем достал из-под прилавка не отвёртку, а массивный подковообразный электромагнит, подключённый к батарее. Медленно, словно сканируя, провёл им над затвором, над спусковым крючком, над магазином. Сталь отозвалась. Коротким, едва слышным, но чётким щелчком внутри механизма. — Пустота, капитан, — проскрипел старик, откладывая магнит, — самая удобная форма для лжи. Век машин научил нас верить, что если мы чего-то не видим, то этого не существует. Но отсутствие пули — ещё не значит отсутствие смерти. Он взял длинную, тонкую медную спицу-щуп и осторожно ввёл её в ствол. Спица наткнулась на препятствие гораздо раньше, чем должна была — не у самого патронника, а в середине канала ствола.

— Засор? — спросил капитан, наклонившись.

— Ловушка, — поправил Тредд.

Он закрепил пистолет в слесарных тисках, надел очки с четырёхкратным увеличением и, вооружившись набором ювелирных отвёрток, принялся разбирать затворную группу. Его движения были быстрыми, уверенными, лишёнными сомнений. Когда он снял затворную раму, внутренняя полость возвратной пружины предстала во всей её «славе». Там, в самом сердце механизма, там, где не должно было быть ничего, кроме пружины и направляющих, была аккуратно вмонтирована крошечная ампула из сверхтонкого, почти прозрачного стекла. Она была

обвита спиралью из тончайшей вольфрамовой проволоки, концы которой уходили в корпус пистолета.

— Посмотрите сюда, — Тредд указал пинцетом. — Ваш полковник не нажимал на спуск. Его нажал за него вот этот сплав. Капитан Эверард замер, не веря глазам.

— Но... это же химия. В оружии!

— Именно. Это химическая мина с часовым механизмом, — Тредд поднёс деталь к свету газового рожка. Амбула слабо мерцала, словно в ней плескалась ртуть. — Внутри — гремучая ртуть в летучем растворе-стабилизаторе. Обычно для детонации нужен удар. Но здесь детонатор — тепло. Он ткнул пинцетом в вольфрамовую спираль.

— Тот, кто это сделал, знал привычки полковника. Он был педантом, чистил оружие каждый вечер, совершая ровно двадцать циклов движения затвора вперёд-назад. Сплав вольфрама был рассчитан на определённое количество трений. При каждом движении затвора проволока чуть нагревалась. На десятом, пятнадцатом движении — чуть сильнее. А на двадцатом... — Тредд сделал паузу, дав капитану самому додумать. — Тепло стало достаточным, чтобы... — начал капитан.

— Чтобы стабилизатор испарился, а гремучая ртуть детонировала сама по себе, — закончил Тредд. — Пули не было. Но направленная волна газов от крошечного взрыва и осколки самой ампулы и спирали превратили ствол и патронник в гранату. Смерть выглядела как трагическая небрежность — «забыл разрядить». Но это было спланированное, расчётливое убийство с задержкой. Капитан отшатнулся, его спина ударилась о стеллаж, заставив звякнуть ряд карманных часов.

— Значит... убийца был среди нас. Тот, кто имел доступ к его оружейному ящику в казарме.

— Убийца всегда среди нас, капитан, — тихо произнёс Тредд, начиная с мертвенной аккуратностью собирать пистолет обратно, предварительно извлёк смертоносную ампулу. — Просто раньше для этого требовались мускулы и смелость подойти вплотную. Теперь требуются знания по химии и металлургии. И доступ. Это изящнее. И... анонимнее. Можно подобрать такую «игрушку» и быть за тысячу миль, когда сработает таймер в двадцать чисток. Когда капитан Эверард ушёл, унося с собой разобранное оружие и тяжесть доказательства, что война может вестись не только на фронте, Томас Тредд подошёл к верстаку. Он долго смотрел на свои старые, проверенные временем инструменты: напильники, молотки, тиски. Инструменты, которые требовали силы и умения руки.

Потом его взгляд упал на крошечную стеклянную ампулу, лежащую на свинцовой пластине. Она была так мала. И так смертельна.

— Сталь обрела память, — прошептал он в пустоту лавки, где висел запах пороха и кислоты. — Раньше меч был продолжением руки воина. Теперь оружие — это продолжение воли постороннего человека, вложенной в металл и химию и спрятанной внутри пружины. Скоро для расследования убийства нам понадобятся не детективы, а инженеры и химики. И совесть станет ненужным анахронизмом, потому что убийца может даже не знать, на кого именно он нажал на курок.

Вещь: Оружие — это всегда обещание насилия, но автоматика с таймером — это способ нарушить это обещание в самый неподходящий для жертвы и самый удобный для убийцы момент. В мире Томаса Тредда даже пустой магазин может быть полон беззвучной, расчётливой ненависти, если туда вместо патронов вложил её инженер, понимающий, что время и трение — тоже оружие.

Декабрь принёс в Лондон не рождественское веселье, а промозглую, липкую сырость, пробирающую до костей. Город готовился встречать новый, 1904 год с той особой, судорожной весёлостью, с какой обречённые цепляются за последний праздник. В витринах Хэрродс уже зажглись первые электрические гирлянды, шипя и потрескивая, пугая лошадей и заставляя прохожих жмуриться от непривычно резкого света.

В лавку Томаса Тредда, где время пахло остывающим чаем, сургучом и старой медью, вошла молодая женщина. Её лицо, должно быть красивое в обычной жизни, сейчас казалось прозрачным, почти неживым в свете газового рожка. Клара Милтон, дочь владельца шерстяных мануфактур, куталась в дорогую шубку, но озноб, бывший её, был не от уличного холода.

Она бережно, словно раненую птицу, положила на прилавок изящный предмет в кожаном чехле — термос новейшей конструкции от фирмы Рейнгольда Бургера, рекламируемый как «чудо сохранения тепла для зимних прогулок и путешествий».

— Он замораживает жизнь, мистер Тредд, — прошептала она, и её голос дрожал так, будто она сама превращалась в льдинку. — Мой жених, Эдвард Пенроуз, подарил мне его месяц назад. Для зимних прогулок, говорил он. Чтобы я всегда могла согреться горячим бульоном в парке.

Она замолчала, судорожно сглотнув.

— Но каждый раз, когда я пью из него, мне кажется, что зима проникает внутрь меня. Не в тело — в душу. Мои руки немеют, хотя бульон обжигает губы. Я начинаю забывать простые слова, путать имена. Вчера я не смогла узнать собственное лицо в зеркале, мистер Тредд. Смотрела и не понимала — кто эта чужая, бледная женщина?

Клара подняла на старика глаза, полные той особой, тихой паники, которая страшнее любого крика.

— Врачи говорят — малокровие, нервное истощение от предсвадебных хлопот. Но я чувствую. Холод исходит от этой вещи, даже когда она полна кипятка. Я поставила её вчера на ночной столик, не прикасаясь, и мне снились кошмары — будто я лежу в сугробе и не могу пошевелиться, а снег засыпает меня с головой.

Томас Тредд не стал отвинчивать пробку. Он надел тонкие замшевые перчатки, которые использовал для работы с самыми деликатными механизмами, и медленно провёл ладонями вокруг корпуса, не касаясь его. Затем достал из ящика чувствительный электроскоп с золотыми лепестками и поднёс прибор к стальным стенкам.

Золотые лепестки, обычно неподвижные, начали медленно, неохотно расходиться, словно отталкиваемые невидимой силой.

— Тепло — это движение, сударыня, — проскрипел старик, не отрывая взгляда от прибора. — А движение — это жизнь. В новом веке люди научились не только сохранять тепло, но и красть его. Прямо из живой плоти.

Он аккуратно снял кожаный чехол. Под ним обнаружился безупречный стальной корпус, полированный до зеркального блеска. Но Тредда интересовало не зеркало. Он перевернул термос и принялся изучать двойное дно, вооружённый мощной лупой с тройным увеличением.

— Ваш жених, — спросил он, не поднимая глаз, — он случайно не увлекается новейшими достижениями физики? Криогенными экспериментами, сжижением газов?

Клара вздрогнула.

— Он... он состоит в Королевском обществе любителей естествознания. Говорит, что будущее за низкими температурами, что можно будет замораживать людей и возвращать к жизни через сто лет. Я считала это безобидными чудачествами...

— Безобидными, — эхом отозвался Тредд. Он нашёл то, что искал. Под декоративной накладкой на дне термоса скрывался микроскопический лючок, закрытый завинчивающейся крышкой. Тредд открыл его специальным ключом. Внутри, в крошечной капсуле из тончайшего стекла, пульсировала тяжелая, серебристая жидкость.

— Ртуть, — констатировал он. — Но не просто ртуть. Сжиженный углекислый газ под давлением, смешанный с солями лития. Вся эта конструкция, — он постучал по стенке термоса, — не просто сосуд Дьюара. Это криогенный аккумулятор, работающий наоборот.

Клара смотрела, не понимая, но страх в её глазах рос с каждым словом старика.

— Обычный термос сохраняет тепло за счёт вакуума между стенками, — терпеливо, как на школьном уроке, объяснял Тредд. — Здесь вакуума нет. Вместо него — капиллярная прослойка, заполненная этим составом. При каждом открытии крышки давление внутри этой прослойки падает, и происходит резкое, мгновенное поглощение тепла. Но не из жидкости, которую вы пьёте, сударыня. Тепло забирается из воздуха вокруг термоса... и из рук, которые его держат.

Он поднёс лупу к кожаной оплётке. Под микроскопическим увеличением стали видны тончайшие, почти невидимые иглы, вмонтированные в кожу со стороны, соприкасающейся с ладонью.

— А это — анестетик местного действия. Прокалывает кожу так незаметно, что вы не чувствуете укола. Он замораживает нервные окончания, и вы перестаёте ощущать настоящий холод. Ваши руки костенеют, кровь отливает от пальцев, поднимается к мозгу — и замерзает там, в прямом смысле. Амнезия, спутанность сознания, галлюцинации — это симптомы кислородного голодания мозга, вызванного спазмом сосудов. Вы не замерзаете заживо, Клара. Вас вымораживают медленно, день за днём, глоток за глотком.

Клара Милтон пошатнулась, схватившись за край прилавка. Её лицо стало совсем белым, как бумага.

— Но... зачем? Мы любим друг друга, мы через месяц должны пожениться...

— Через месяц, — горько усмехнулся Тредд, — вы должны были стать недееспособной пациенткой психиатрической лечебницы с диагнозом «прогрессирующее слабоумие». А ваш жених, скорбящий и заботливый, получил бы полный контроль над вашим приданым. Ваши мануфактуры, ваши земли, ваши счета — всё перешло бы к нему как к законному супругу, имеющему право опеки над недееспособной женой.

Он аккуратно, держа пинцетом, извлёк стеклянную капсулу из дна термоса и положил её на свинцовую пластину.

— Это не убийство в грубом смысле. Это — инженерное решение проблемы наследства. Ваш жених не хотел вашей быстрой смерти, которая привлекла бы внимание. Он хотел вашего медленного, незаметного угасания, которое врачи спишут на нервы, погоду, дурную наследственность. Прогресс, сударыня, дал нам удивительные инструменты. Жаль только, что первыми их осваивают не врачи, а убийцы.

Когда Клара Милтон ушла, шатаясь, прижимая к груди обезвреженный термос как осиротевшую вещь, Томас Тредд долго смотрел на иней, который начал проступать на стальном корпусе прибора, оставленного на прилавке, — в тепле лавки металл плакал холодными слезами. Он вышел на порог, в декабрьскую сырость. Где-то вдалеке, над крышами, взлетали первые рождественские фейерверки — разноцветные искры нового века, такие же обманчиво-тёплые, как и этот термос.

— Скоро, — прошептал он в туман, — мы будем покупать вещи ради тепла, ради уюта, ради заботы. А они будут забирать у нас последние искры жизни, каплю за каплей, градус за градусом. Мы вступаем в век, где холод будет упакован в красивую кожу и дорогую сталь, и люди перестанут чувствовать, как их сердце замедляет бег, превращаясь в ледяной кристалл, пока они пьют «согревающий» напиток из рук того, кто клялся их любить.

Он вернулся в лавку, к своим честным, тёплым, живым часам. Их тиканье согревало лучше любой печки.

Вещь: Термос был создан, чтобы сберегать тепло для тех, кто мёрзнет в пути, но в мире Томаса Тредда он превратился в колодец, высасывающий жизнь через ладони. Прогресс пода-

рил нам власть над температурой, над агрегатными состояниями вещества, но он же научил подлость маскироваться под заботу, превращая самое нежное прикосновение — руку, протягивающей питьё, — в начало смертельного озноба, который не оставляет следов, только пустоту в глазах и холод в костях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.